

ОБРАЗ ОТЦА И ТЕМА ОТЦОВСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА: РОМАН «САНЬКЯ» И СБОРНИК ПОВЕСТЕЙ «ВОСЬМЕРКА»

К. В. Штейнбах

Кубанский государственный университет

Поступила в редакцию 2 августа 2014 г.

Аннотация: в данной статье выделено несколько особенностей прозы современного русского писателя Захара Прилепина, общих для его двух книг и значимых для творчества данного автора.

Ключевые слова: Захар Прилепин, «Восьмерка», «Санькя», главный герой, конфликт произведения.

Abstract: this article is dedicated to a few features of works of modern Russian writer Zakhar Prilepin. These features were founded in his 2 most significant texts: "Sankya" and "Vosmyorka".

Key words: Zakhar Prilepin, "Vosmyorka", "Sankya", main character, main conflict.

Одной из центральных тем творчества Захара Прилепина является тема мужественности и мужского начала. В рассматриваемых нами текстах — романе «Санькя» и сборнике повестей «Восьмерка» — она получает дополнительный аспект — отцовство.

Человеку нужен центр, который будет определять его жизнь и на котором будут основаны его убеждения; обычно для человека таким центром являются родители. Более того, с учетом специфики стиля Прилепина этот центр сужается до одного из родителей — отца. Данная черта более ясно просматривается в сборнике повестей «Восьмерка», но и в «Саньке» можно увидеть признаки, которыми фигуре отца главного героя придается особое значение. Так, несмотря на то, что его уже нет в живых, в ходе развития повествования мы узнаем о нем достаточно много для героя, который не воздействует на сюжет напрямую: он родился в маленькой деревне, был преподавателем в университете, был старшим из трех братьев, и все три умерли раньше своих родителей. Фигура Сашиного отца, исключенная из текста преждевременным уходом из жизни, своим исчезновением предопределяет присоединение главного героя к экстремистской партии как попытку самоидентификации, отмечает Андрей Рудалев [1]. «Союз созидателей» пусть лишь в какой-то мере, но заменил главному герою отца. Лидер данной партии, Костенко, несмотря на его значимость для политического конфликта произведения, как и Сашин отец, в тексте отсутствует. Читатель сталкивается лишь с записями его голоса, наметками его личности, но не как с живым и действующим персонажем. Партия, подобно главному герою, остается без «отца».

В сборнике «Восьмерка» писатель уделяет теме взаимоотношений отца и сына намного больше

внимания. Данная проблема присутствует в значительной части повестей, то находясь в самом центре повествования («Витек», «Любовь»), то отступая на второй план («Восьмерка», «Допрос»). В сборнике показывается, что расстояние между отцом и сыном не устраняется даже в том случае, если оба героя, в отличие от ситуации в «Саньке», живы и в добром здравии. Здесь также появляется мотив отсутствия отца: так, любовный интерес главного героя заглавной повести — девушка по имени Аглая — рано лишается его (тот уходит от семьи); в своих многочисленных любовниках она прежде всего стремится найти именно ушедшего родителя.

Жизненный путь отца Саши Тишина начинается в родной деревне его рождением и там же заканчивается с похоронами. С физической смертью существование данного героя не заканчивается как таковое. Так, когда главный герой, его мать и Безлетов устраивают небольшое застолье на гробе, Саша чокается открытой бутылкой с гробом — то есть фактически с отцом. Еще один пример — когда друг детства Сашиного отца по прозвищу Хомут приезжает за ними, то говорит, обращаясь к гробу: «...Ну что, Васята, не замерзла спина? — Хомут присел рядом с гробом и похлопал по крышке. — Сейчас домой поедет...» [2, 105]. В разговоре со своим приятелем Левого Саша говорит, что страна потеряла все — «Кроме могил» [2, 180]. Эти эпизоды не являются глумлением; это признание за усопшим права на место среди друзей и родственников, права, которое и в интересах оставшихся жить, так как именно оно не дает потерять себя (особенно в обстановке безвременья, которая пронизывает «Саньку»), сохраняет чувство преемственности, рода.

Примечательна кольцевая композиция произведений, проводящая параллели между героем «отцом» и «сыном»: так, в начале и конце «Саньки» главный герой участвует в конфликте с властями,

в то время как его отец свой жизненный путь начал и завершил в одной и той же деревне; оба проявили преданность своей натуре. В начальной и конечной повестях «Восьмерки» появляются две фигуры – отец и сын, что напрямую связано с рассматриваемой нами темой. Первая же повесть – «Витек» – тоже представляет процесс возмужания, но уже в другом аспекте — как маленькая модель взрослой жизни, чаще всего жестокой, страшной и подчас кровавой, отмечает Кирилл Гликман [3]. Тем самым повесть предваряет весь сборник, предварительно оповещая читателя о его содержании. В заключительной, «Лес», пара «отец-сын» появляется дважды – вначале мы видим главного героя и его отца, а затем, в самом конце, уже главного героя и его сына. Данная повесть, на наш взгляд, является всем сборником «Восьмерка» в миниатюре, так как представляет весь процесс возмужания, хоть и преподнесенный в сжатой форме; он выглядит как бесконечный и повторяющийся. Наша точка зрения вполне подтверждается уже самим названием книги: восьмерка — в первую очередь символ бесконечности и непрерывности, а не лишь обозначение числа повестей. В то же время сборник в определенном отношении шире, чем «Санька»: в романе мы видим лишь один тип героя, во многом близкий квартету друзей из заглавной повести. Он застыл в роли революционера на протяжении всего романа, точно так же, как и свершившийся факт смерти его отца; все происходящее в романе — лишь вариации, одно и то же действующее лицо в разных обстоятельствах. Его нерешительность перед поездкой в Ригу — лишь порог, очередная ступень в развитии главного героя, а не качественная перемена. Герои же повестей стремятся куда-то в сторону от своего основного жизненного потока, претерпевают события, меняющие их самих и их жизнь, чтобы прийти к итогу своего поиска — отцовству и приходящей с ним ответственности. Все они — разные, в отличие от уже ставшего для Прилепина типичным «пацанского» героя. Через своих отцов герои прежде всего пытаются найти самих себя, увидеть со стороны и понять, каковы они на самом деле; находясь в поиске отца, они находят самих себя.

Через преданность памяти своего родителя находит себя и Саша Тишин. Ведь помимо лишь бытового, семейного значения смерть Сашиного отца имеет и другой смысл: в определенном отношении она является метафорой распада-«смерти» СССР и последовавшей за этим бедствием беспорядочной, странной и непонятной жизни. Метафорой этого события выступает четвертая глава «Саньки», где трое – сам Саша, его мать и Безлетов – везут гроб с телом Тишина-старшего в его родную деревню. Как и Советский Союз для своих бывших граждан, отец Саши имеет для главного героя особое значение, пусть не всегда выраженное внешне. Так, уже в мо-

мент организации похорон мы видим Сашину мать, находящуюся в растерянности: «До сих пор рядом с нею находился другой человек, чей голос был решающим. И вот он умер, этот человек» [2, 61]. Как и в случае со смертью СССР, исчезновение опорного столба, главы семьи Тишиных приводит к тому, что у оставшихся членов семьи пропадает некий единый и четкий курс. Как утверждает Андрей Рудалев [1], именно в момент подобного кризиса, когда один за другим уходят из жизни его родственники (сначала — отец, затем — дед), Саша Тишин и начинает искать свою Родину, тем самым пытаясь восстановить родовые связи.

Показательно и то, что Саша тащит гроб своего отца вместе со своим основным идейным противником — Безлетовым. В момент утраты они оба осознали ее тяжесть, и это демонстрирует их переход на «ты» во время похорон при серьезной разнице в возрасте и общественном положении; это событие стало для них в определенном смысле обрядом братания, тем более, что один из них был родным сыном Василия Тишина, а другой, по всей видимости, — духовным, его учеником. Но прошли годы, и один — Безлетов — предпочел забыть об испытанном. Саша же, по всей видимости, никогда не забывал — мысли и воспоминания, связанные с отцом, возникают у него во время развития сюжета множество раз. Несмотря на то, что автор не проводит явной параллели между семейной жизнью Тишиных и историческим прошлым, наличие явного разлада в этих двух планах повествования вполне позволяет уравнивать их. Примечательно, что и попытка восстановить семейные связи, и вернуть былой уклад жизни обречены на провал: из родственников живы лишь мать и бабушка, СССР распался. Но здесь важен не столько результат, сколько сам процесс поиска; главный герой находит цель своей жизни, а партия «Союз созидателей», несмотря на свое название, всем своим существом рассчитана лишь на бунт и сопротивление, но не на реальную смену правящего строя как логический итог своей деятельности, что отмечает Сергеем Беляковым [4] и отрицается Андреем Рудалевым [1]. От себя можем лишь добавить, что само существо данной партии, вечно изменчивое и провокативное, отвергает мысль о том, что «Союз созидателей» может прийти к власти.

В сборнике «Восьмерка», несмотря на вариативность героев и окружения, вполне ясно просматривается следующая тенденция: устойчивую, твердую схему взаимодействия двух типажей героев — героя-«отца» и героя-«сына». Повествование практически все время ведется от лица «сына», который и выступает в роли наблюдателя, и лишь в самой последней повести, «Лес», пусть и ненадолго, но дается восприятие героя-«отца». Герой-«сын» чаще всего находится на огромной дистанции отстающего от «отца», дистанции уверенности в себе, дистанции

житейского опыта, отношения к жизни; он не понимает мотивов, поступков родителя – тот остается для него закрытой книгой практически во всем: «... Мне долго казалось, что с отцом их разлучает явное превосходство сына — который мужик, боец и злыдень. Но ... это отец был злыдень и мужик, а сына он ... воспринимал как недоделка и малоумка» [5, 119]. Чаще всего в сборнике «Восьмерка» мы не видим самого факта общения этих двух героев – они живут в разных мирах. Так, в повести «Восьмерка» один из товарищей главного героя – Лыков – вынужден обратиться за помощью к своему родителю, чему тот совсем не рад (что передается и через отношение к самому Лыкову-младшему: «... — Езжай сам, ублюдок, — сказал Лыкову отец...» [5, 118]), и это — один из немногих случаев соприкосновения «отца» и «сына», когда мы слышим их общение (впрочем, это даже не общение — скорее приказ). Герой-«отец», как правило, почти не вмешивается в процесс воспитания и взросления своего сына целенаправленно. Но для героев сборника отец зачастую выступает если и не идеалом для подражания, то путеводной звездой, мерилom сделанного; он – «опора, главный источник счастья, которое... дает сыну одним своим существованием» [3]. Герои же, по той или иной причине лишены отцов, не имеют четкой жизненной линии: так, Грех с легкостью принимает новые правила жизни (в начале же повести мы узнаем, что он живет со своими бабушкой и дедушкой). Впрочем, и здесь есть исключение: главный герой повести «Допрос», несмотря на целую семью, так и не приобретает твердости характера, из чего и разворачивается сюжет повести. Он не может следовать четко занятой позиции; столкнувшись с трудностями, герой тут же отступает, а отступив, предпринимает судорожные попытки вновь добиться задуманного.

Говоря об образе отца в романе «Санька», мы рассматривали данного героя не только как личность, но и как символ, имеющий важное для Саши Тишина значение в построении собственного мировоззрения и приобретающий подчас социально-политическое значение. В «Восьмерке» Захар Прилепин изображает данный тип — отца героя произведения — преимущественно в семейном плане, как персонаж, имеющий неоспоримо важное значение,

но вместе с тем удаленный, не понимаемый главным героем и при этом не стремящийся (или же не умеющий) преодолеть существующую дистанцию. Несмотря на это, главные герои повестей в своем жизненном развитии сознательно и бессознательно приближаются именно к ним, к отцам, находят под их влиянием.

Именно в аспекте отцовства выявляются особенности и различия сюжета «Саньки» и «Восьмерки». Подобно тому, как определена судьба Сашиного отца, определена и прямолинейность, в чем-то — предсказуемость сюжета романа, и обреченность главного героя и его партии. Главная же особенность «Восьмерки» – вариативность — задается уже самой фрагментарной формой сборника. Впрочем, варьируются лишь главные герои и их пути; результат все равно примерно один и тот же — одиночество в огромном мире и возникающее в конце сборника, неясное чувство отцовства. Повесть «Лес» словно подводит черту под поисками всех героев сборника, закрепляя их на своем месте. Впрочем, черта эта — не итог, но лишь начало нового пути.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудалев А. Поедая собственную душу // Журнальный зал. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/continent/2009/139/pr30.html> (дата обращения — 23.03.2014).
2. Прилепин З. Санька. 10-е изд. / З. Прилепин. – М. : АСТ: Астрель, 2012. – 348 с.
3. Гликман К. Восемь с половиной / К. Гликман // Журнальный зал. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2012/12/g20.html (дата обращения — 24.03.2014).
4. Беляков С. Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции / С. Беляков // Журнальный зал. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/be15.html (дата обращения — 24.03.2014).
5. Прилепин З. Восьмерка / З. Прилепин. – М. : АСТ: Астрель, 2012. – 352 с.
6. Татаринов А. Необходимость отца // День литературы. – Режим доступа : http://denlit.at.ua/publ/2012/maj_2012_god/aleksej_tatarinov_neobkhodimost_otca/5-1-0-81 (дата обращения — 24.03.2014).

Кубанский государственный университет
Штейнбах К. В., аспирант кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения
E-mail: ste1n1.kun@gmail.com

Kuban State University
Shteynbakh K. V., Post-graduate Student of the Foreign Literature and Comparative Culturology Department
E-mail: ste1n1.kun@gmail.com